

DOI 10.35775/PSI.2025.115.3.024

УДК 32.327

Ю.А. ВЕСЕЛОВ

преподаватель кафедры международных
организаций и мировых политических процессов
факультета мировой политики Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова, Россия, г. Москва
E-mail: veseloff30@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ «ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВИЛАХ» В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА (ЧАСТЬ II)³

Концепция «порядка, основанного на правилах» представляет собой идеологическую конструкцию, созданной с целью легитимации современной центро-силовой пертурбации, которая в последние десять лет сталкивается с новыми вызовами и нарастающей критикой со стороны развивающихся стран, а также стран, отстаивающих свой национальный суверенитет. В таких условиях появляется необходимость определения вариантов движения трансформации современного мирового порядка и того как на «идейном» уровне осуществляются попытки адаптации к ним. Для достижения поставленной цели, основные интерпретации перехода власти были классифицированы по трем парадигмам теории международных отношений: реализма, либерализма и английской школы, а также на рассмотрение была вынесена гипотеза о невозможности реализации концепции «порядка, основанного на правилах» в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: порядок, основанный на правилах, теория международных отношений, мировой порядок, трансформация мирового порядка, международный порядок, либеральный порядок.

В современном контексте классическая теория перехода власти привела к многочисленным «реалистическим» выводам о переходе власти от США к Китаю, ослаблении гегемонии США и потенциальном ослаблении или сбоех в работе международных организаций [15; 24. Р. 160-162].

Некоторые ученые из либеральной американской школы международных отношений бросили вызов более мрачному анализу меняющегося мирового порядка. Один из них – Дж. Айкенберри, который утверждает, что «хотя гегемонистские позиции Америки, возможно, ослабевают, либеральные международные характеристики порядка – открытость, правила, многостороннее сотрудничество – глубоко укоренились и, вероятно, сохранятся» [21. Р. 18].

³ Часть I исследования читайте в журнале Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 2 (114). С. 545-555.

Аналогичным образом, Джозеф Най утверждает, что «**в мире, который становится все сложнее, государства, имеющие наибольшие связи, являются самыми могущественными**» [27], поскольку они обладают потенциалом для создания сетей, производства глобальных общественных благ, поддержания правил и институтов и альянсов, что указывает на то, что это истинные основы международного порядка [26].

Подход английской школы международных отношений бросает вызов как реалистической, так и либеральной позициям. В отличие от либерального интернационализма Дж. Айкенберри, авторы английской школы исследуют «глубоко укоренившиеся» источники порядка. В противоположность реализму, они утверждают, что власть – это социальный факт, а не просто вопрос возможностей. Это доказывает, что различные аспекты перехода власти – усиление Китая, ослабление американской гегемонии и общее распределение власти между региональными образованиями не являются автономными процессами. Они происходят не в вакууме. На них влияют более фундаментальные или первичные институты мирового порядка, такие как суверенитет, фактор великих держав, дипломатическая практика, международное право, регулирование войны и правил торговли [16. Р. 101-126; 29. Р. 42-45]. Фундаментальные институты также включают требования легитимности, национальное самоопределение, гуманитарное вмешательство и охрана окружающей среды, а также закрепленные концепции «правильных действий» государств [18. Р. 181].

Эти фундаментальные институты направляют изменения и влияют на них. Более того, именно на этом глубоком и институционализированном уровне современного международного общества можно выявить и понять наиболее значительные изменения в мировом порядке [23].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Однако проблему трансформации мирового политического процесса и развитие многополярности мирового порядка нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Профессор К. Навари и профессор Т.Б. Кнудсен так резюмируют отношение авторов английской школы (Х. Булл, Д. Грин, Г. Бузан, А. Уотсон, М. Уайт и другие) к международному порядку:

(1) Фундаментальные институты международного общества представляют собой глубоко укоренившийся международный порядок, который формирует текущее взаимодействие государств (и других акторов).

(2) Международные организации воспроизводят, конкретизируют и изменяют этот базовый порядок, например, как более или менее плюралистический, солидарный или либеральный, в определенные исторические периоды, такие как порядок после окончания холодной войны.

(3) Быстрая смена власти является шоком для этого порядка и потенциальным толчком к фундаментальным институциональным или организационным изменениям.

(4) Последствия смены власти (в виде новых общих представлений, принципов и практик) формируются уже существующими фундаментальными институтами и организациями.

Согласно К. Навари и Т.Б. Кнудсен, в материальном и политическом плане баланс сил стал более сложным: не существует глобальной сверхдержавы, но есть три крупные державы с глобальными энергетическими ресурсами и устремлениями (США, Китай и Россия), ряд держав с сочетанием региональных ресурсов и глобальных устремлений (Франция, Великобритания, Германия, Япония, Индия и, возможно, Бразилия), а также ряд региональных великих держав (таких как Иран, Саудовская Аравия и Турция на Ближнем Востоке, Нигерия и Южная Африка в Африке). К ним относятся ключевые институциональные субъекты, которые не являются независимыми игроками в узком военном балансе сил, но по-прежнему важны для политического баланса сил и международного вмешательства (особенно ЕС, АС и ЭКОВАС) [25]. Лишь частично эта классификация напоминает «пирамиду Органски» [28. Р. 365].

Также гегемонистские функции, которые ранее выполняли США, не исчезли полностью: США продолжают поддерживать режим открытого космоса и контролировать его. Они по-прежнему являются центральным звеном в сборе разведывательной информации для либерального мира. Они по-прежнему обеспечивают основную гарантию безопасности для многих государств; и они по-прежнему являются кредитором последней инстанции в финансовом отношении [25].

Баланс сил, по своей сути, имеет скорее волюнтаристский и рационалистический характер, чем детерминированный. Он поддерживается сочетанием военных корректировок и перевооружений, с одной стороны, и политических и институциональных попыток, с другой [16. Р. 101-126]. основополагающим принципом баланса сил остается принцип Э. Ваттеля – **«Наиболее верным средством сохранить равновесие было бы создание такого порядка, чтобы ни одна держава не превосходила намного других, чтобы все они или по крайней мере значительное большинство были бы приблизительно равны по силе»** [1. С. 451].

По мнению К. Навари и Т.Б. Кнудсен, современный мировой порядок основан на принципе баланса сил для поддержания которого основные перечисленные акторы используют разнообразные методы: для России использование военной силы остается ключевым инструментом для достижения антигегемонистских целей и поддержания равновесия, что очевидно примерами в Сирии и на Украине, а также для достижения статуса великой державы путем политических демонстраций. Для Китая экономический рост, интеграция и успех являются ключевыми факторами поддержания глобального баланса сил, дополняемыми значительным военным вооружением, а также политической мобилизацией и мягким балансированием в глобальных организациях, таких как ООН. Для ЕС ключевым фактором остается сочетание экономической и нормативной

мощи, в то время как задача состоит в том, чтобы ориентироваться в более мощном политическом миропорядке, где безопасность и экономические интересы Европы могут не совпадать (например, сбалансированные отношения между Китаем и Россией). В распоряжении США по-прежнему имеются значительные средства, но они решительно предпочитают экономические и политические средства военным для достижения конкретных целей балансирования, после дорогостоящих и разочаровывающих интервенций в Афганистане и Ираке. К ним относятся укрепление систем альянсов и политических коалиций, а также попытка восстановить утраченный авторитет руководства [25].

Основополагающим принципом остается особая ответственность великих держав за поддержание международного порядка и справедливость и связанные с ними права и обязанности [16].

Меняющийся баланс сил и, что не менее важно, более широкая децентрализация власти проложили путь к более плюралистическому или «вестфальскому» пониманию международного общества. «Вестфальские» страны, в частности Китай, Индия, Азия в целом, а также большинство африканских и латиноамериканских государств, придали больше значения возобновленному укреплению суверенитета и принципам невмешательства. Страны БРИКС и большая часть стран Глобального Юга стремятся вернуться к более традиционному и вестфальскому пониманию суверенитета. Для таких стран «демократия» (в ее западном понимании) не может быть предварительным условием законного членства в международном сообществе. В меняющихся международных условиях распространение демократии зависит от ее поддержки на национальном и региональном уровнях, как в случае с Западной Африкой, где развитие демократии поддерживалось отрицанием ЭКОВАС военных и конституционных переворотов. Для ЕС, США и других сторонников демократии это означает, что демократическое правление – это не то, что можно навязать. Скорее, «демократию» можно поддерживать.

Международное право продолжает формировать международные отношения. Державам, таким как Китай, необходимо применять международное право на практике, чтобы преобразовать материальную мощь в соответствующие полномочия, статус и легитимность. В то же время такие державы могут повлиять на эволюцию и интерпретацию глобальных правил и кодифицировать региональные различия в соответствии со своими собственными интересами, ценностями и замыслами. Это более вероятно в относительно новых областях международного права, таких как экологическое, кибер- и космическое право, поскольку уже существующие правовые системы, например, международное гуманитарное право, обладают большим авторитетом и легитимностью, которые нелегко изменить или демонтировать. Вместо этого региональные державы и региональные организации стремятся утвердить свои собственные интерпретации и авторитет в отношении существующих правовых систем. Китай и Россия, например, используют для этой цели свое право вето в Совете Безопасности ООН, в то время как Африканский союз, ЭКОВАС и другие (суб)региональные

организации принимают санкционирование или узаконивание гуманитарной интервенции в соответствии с принципами, закрепленными в африканских региональных документах. Логика такого развития событий заключается в региональной ответственности за соблюдение норм международного права, в том числе в рамках обсуждений в Совете Безопасности ООН.

Переход власти и ее горизонтальное распределение приводят к появлению новых игроков и на уровне дипломатии великих держав. В связи с этим возникает вопрос о том, приведут ли культурные различия к столкновениям из-за дипломатических стилей или к недоразумениям, или же установленные дипломатические соглашения будут служить частью плюралистической социальной структуры, которая позволяет акторам, отличающимся в культурном отношении, особенно западным и восточным державам, участвовать в диалоге и переговорах [25].

По мнению одного из отцов-основателей Копенгагенской школы исследований безопасности, профессора политических наук в Лондонской школе экономики и политических наук Б. Бузана и британского академика и директора LSE IDEAS (аналитический центр по внешней политике Лондонской школы экономики и политических наук) М. Кокса [19. Р. 83-103], развивающийся мировой порядок характеризуется «глубоким плюрализмом», поскольку он коренится в цивилизационных различиях, которые усиливаются и объединяются современностью, а также потому, что структура богатства, власти и политического авторитета становится все более размытой, в то время как гегемония США теряет свои материальные и моральные основы. В то же время ключевые игроки, такие как Китай, Россия и большая часть стран Глобального Юга, активно продвигают плюралистический мировой порядок, основанный на взаимном признании суверенитета, невмешательства и терпимости к различиям (что, конечно, не означает постоянного соблюдения таких принципов). Они остаются ключевыми элементами архитектуры современного международного сообщества [22].

Б. Бузан и М. Кокс утверждают, что «Англо-Америка» уже длительное время являются гегемонами в глобальном международном сообществе [19. Р. 84]. Подход английской школы подчеркивает, что в настоящее время происходят изменения в социальной структуре глобального международного сообщества, особенно в том, что касается морального авторитета лидера, а также экономической и военной мощи. Согласно теории английской школы, вопрос лидерства в первую очередь связан с институтом управления великими державами [17]. Авторы не сомневаются в том, что с усилением Китая и других передовых развивающихся стран экономическая и военная мощь Запада постепенно распределяется между ними. Также они подтверждают, что моральный авторитет «Англо-Америки» как ядра ядра находится в серьезном упадке. Движение к плюрализму вместо гегемонизма, по их мнению, указывает на то, что лидерство, возможно, станет единственно возможным вариантом по конкретным функциональным вопросам, таким как изменение климата, распространение ядерного оружия

и пандемиям. Глобальная гегемония, подобное тому, к осуществлению которого «привыкла» «Англо-Америка», вероятно, больше невозможна [19. Р. 84].

Б. Бузан и М. Кокс утверждают, что США никогда не были заинтересованы в глобальном управлении держав, если только это не осуществлялось под однополярным контролем. В условиях изоляционизма они отвергали такой подход вплоть до 1945 года и осуществляли глобальную гегемонию только в рамках доминирующего положения на Западе в период с 1945 по 2001 год [20]. Эксперты считают, что президент Б. Обама осознавал, что первенство США закончилось, и предпринял попытку скоординированного, ограниченного решения конкретных вопросов, таких как иранская проблема, финансовый кризис и изменение климата, однако при Д. Трампе США отвернулись от подхода («great power management») просто ожидая соперничества великих держав и сохранения баланса сил, и, похоже, предпочитая это, а «ослабленная в военном и экономическом отношении Британия больше не в состоянии играть в эту игру и отказалась от своих возможностей стать частью великодержавного ЕС» [19. Р. 98]. Более того, Б. Бузан и М. Кокс считают, что ни одна из других крупных держав (Китай, ЕС, Россия, Индия, Япония) не имеет достаточных возможностей для того, чтобы взять на себя моральный авторитет лидера, который теряет «Англо-Америка», а если бы и претендовала на это, то не нашла бы реальной международной поддержки [19. Р. 99].

Как заявляет Оливер Штюнкель, немецко-бразильский политолог и доцент Школы международных отношений в Сан-Паулу, Бразилия, незападные государства в основном поддерживают институты существующего порядка, как первичные, так и вторичные, но хотят улучшить свои позиции внутри них [29]. Однако проблема заключается в том, смогут ли Запад в целом и «Англо-Америка» в частности перестроиться от представления о себе как о незаменимых носителях глобального лидерства и универсалистского либерального видения к пониманию себя как всего лишь одной из частей глубоко плюралистической структуры, состоящей из культурно и политически дифференцированных акторов [19. Р. 99]. И что в данном случае является первостепенным, такая структура полностью исключает существование и реализацию концепции «порядка, основанного на правилах» в его оригинальном понимании как совокупности международных правовых норм, пронизанных идеями о либерализме и демократической солидарности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ваттель Эммер.** Право народов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960.
2. **Гао Юе.** Становление ШОС как международной организации // Вопросы политологии. 2024. № 3.
3. **Закиров Б.Б.** Перспективы взаимодействия Шанхайской организации сотрудничества и Организации Объединенных Наций в борьбе

- с современными вызовами и угрозами безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 5.
4. **Магадиев М.Ф.** ШОС в современной системе международных отношений: актуальные проблемы и тенденции развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 8.
 5. **Майстат М.А., Саджад зераат П., Джавад зераат П., Медведев Н.П.** Американская политика в Евразии: вызовы растущей мощи Китая // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 10 (103).
 6. **Мальшев Д.В., Курылев К.П., Смолик Н.Г., Станис Д.В.** Сотрудничество Индии с ЕАЭС и ШОС // Мировая экономика и международные отношения. 2024. № 11.
 7. **Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.** К вопросу о теоретических аспектах и перспективах международных отношений (по материалам актуальных публикаций) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 3.
 8. **Медведев Н.П.** Международные конфликты и многополярность мирового порядка // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 8 (108).
 9. **Морозов Д.А., Медведев Н.П.** Специфика процессов трансформации современного миропорядка: основные коллизии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 12.
 10. **Муравых А.И., Никитенко Е.Г., Стародуб И.В.** Красные линии в противостоянии Запада и России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 9.
 11. **Сунь Сяомэн, Медведев Н.П.** Нетрадиционные угрозы безопасности и пути им противодействия в контексте международного сотрудничества // Вопросы политологии. 2024. № 5.
 12. **Сунь Шичао.** Анализ фактического хода восточного поворота России: выбор между Россией, Китаем и противостояние с Западом // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 9.
 13. **Хонрада Габриэль Джоэль, Бокерия С.А.** Проблемы, вызванные из-за пробелов в политике в сотрудничестве ШОС и АСЕАН в области региональной безопасности: качественный анализ (2001-2021 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 1.
 14. **Шишов Г.О.** ЕАЭС как региональный механизм интеграции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 8.
 15. **Allison G.** Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap? Houghton Mifflin Harcourt. 2017.
 16. **Bull H.** The anarchical society: A study of order in world politics. Macmillan. 1977.
 17. **Buzan B.** An introduction to the English School of international relations. Cambridge University Press. 2014.
 18. **Buzan B.** From international to world society: English school theory and the social structure of globalization. Cambridge University Press, 2004.

19. **Buzan B., Cox M.** The End of Anglo-America? T. B. Knudsen and C. Navari (eds.), Power Transition in the Anarchical Society, Palgrave Studies in International Relations, Switzerland AG 2022.
20. **Clark I.** Hegemony in international society. Oxford University Press, 2011.
21. **Ikenberry J.G.** Why the liberal world order will survive // Ethics and International Affairs. 2018. № 32 (1).
22. **Jackson R.** The global covenant: Human conduct in a world of states. Oxford University Press, 2000.
23. **Knudsen T.B., Navari C. (Eds.).** International organization in the anarchical society: The institutional structure of world order. Palgrave Macmillan. 2019.
24. **Mearsheimer J.J.** China's unpeaceful rise. Current History. 2006. № 105 (690).
25. **Navari C., Knudsen T.B.** Power Transition and Institutional Change: Theorizing the New World Order. Knudsen T.B. and Navari C. (eds.), Power Transition in the Anarchical Society, Palgrave Studies in International Relations, Switzerland AG 2022.
26. **Nye J.** After the liberal international order. China and US Focus, 2020.
27. **Nye J.** A time for positive sum power. The Wilson Quarterly. 2018.
28. **Organski A.F.K.** World Politics, New York Knopf, second edition, New York, 1958.
29. **Wight M.** Systems of states. Leicester University Press. 1977.

YU.A. VESELOV

Lecturer at the Department of International Organizations and World Political Processes School of World Politics Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE CONCEPT OF «RULES-BASED ORDER» IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER (PART II)

The concept of a «rules-based order» is an ideological construct created with the aim of legitimizing modern central power perturbation, which in the last ten years has faced new challenges and increasing criticism from developing countries, as well as from countries defending their national sovereignty. In such conditions, there is a need to identify options for the transformation of the modern world order and how attempts to adapt to them are carried out at the «ideological» level. To achieve this goal, the main interpretations of the transition of power were classified according to three paradigms of the theory of international relations: realism, liberalism and the English school, and a hypothesis was put forward about the impossibility of implementing the concept of «rule-based order» in the new geopolitical conditions.

Key words: rules-based order, theory of international relations, world order, transformation of the world order, international order, liberal order.